

ВОПРОС О СТРОИТЕЛЬСТВЕ АНЧУЛЬСКОЙ ЧАСОВНИ В 1914 Г. И ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ В ХАКАССКО- МИНУСИНСКОМ КРАЕ

Владимир Викторович Бельский

кандидат богословия
руководитель Международного отдела Московской духовной
академии
преподаватель кафедры церковной истории Московской духовной
академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
b_volodimir@mail.ru

Для цитирования: *Бельский В. В.* Вопрос о строительстве Анчульской часовни в 1914 г. и православная миссия в Хакасско-Минусинском крае // Богословский вестник. 2022. № 1 (44). С. 220–229. DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.011

Аннотация

УДК 27-9 (271.22)

Статья посвящена жизни и деятельности хакасского миссионера священника Симеона Тормазакова в контексте миссии в Хакасско-Минусинском крае в начале XX в. В указанное время данный регион, населённый коренными народами (хакасами и шорцами), был разделён между двумя епархиями (Томской и Енисейской), однако в силу специфики административного деления и особенностей хозяйственно-культурного типа границы между епархиями были весьма условны, в результате чего население одних и тех же улусов окормлялось и томским, и енисейским духовенством. Автор уделяет особое внимание вопросу о строительстве молитвенного дома (часовни) в улусе Анчул (ныне Таштыпский район Республики Хакасия). В 1914 г. по инициативе жителей указанного улуса и миссионера Алтайской духовной миссии иерея Иоанна Штыгашева была предпринята попытка строительства часовни, однако эта инициатива встретила сопротивление со стороны священника Енисейской епархии (к которой относился Анчул в территориальном плане) Симеона Тормазакова. Недоразумение было урегулировано и не перешло в стадию конфликта: руководство Алтайской миссии признало правоту отца Симеона. Всё это привело к прекращению практики «двойного окормления» инородцев Минусинского уезда.

Ключевые слова: священник Симеон Иванович Тормазаков (Тормозаков), священник Иван Матвеевич Штыгашев, каноническая территория, Енисейская епархия, Томская епархия, Алтайская духовная миссия, православие в Сибири, христианизация, миссионеры, коренное население Хакасии, Анчул.

The Question of Building a Chapel in Ulus Anchul (1914) and Orthodox Mission in Khakass-Minusinsk Region

Vladimir V. Belsky

PhD in Theology

Head of International Department at the Moscow Theological Academy

teacher at the Department of Church History at the Moscow Theological Academy

b_volodimir@mail.ru

For citation: Belsky, Vladimir V. "The Question of Building a Chapel in Ulus Anchul (1914) and Orthodox Mission in Khakass-Minusinsk Region". *Theological Herald*, № 1 (44), 2022, pp. 220–229 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2022.44.1.011

Abstract. The article is devoted to the life and work of the Khakass missionary priest Simeon Tormazakov in the context of the mission in the Khakass-Minusinsk region at the beginning of the XX century. At that time, this region, inhabited by indigenous peoples (Khakass and Shors), was divided between two dioceses (Tomsk and Yenisei), however, due to the specifics of the administrative division and features of the economic and cultural type, the boundaries between the dioceses were very arbitrary, as a result of which the population the same uluses were cared for by both the Tomsk and the Yenisei clergy. The author pays special attention to the issue of building a prayer house (chapel) in the Anchul ulus (now the Tashtyp district of the Republic of Khakassia). In 1914, at the initiative of the inhabitants of the aforementioned ulus and the missionary of the Altai mission, priest Ioann Shtygashev, an attempt was made to build a chapel, but this initiative met with resistance from the priest of the Yeniseisk diocese (to which Anchul belonged in territorial terms) Simeon Tormazakov. The misunderstanding was resolved and did not develop into a conflict stage: the leadership of the Altai mission acknowledged that Father Simeon was right. All this led to the termination of the practice of «double care» of foreigners in Minusinsk district.

Keywords: priest Simeon Tormazakov (Tormozakov), priest Ivan Matveevich Shtygashev, canonical territory, Yeniseysk diocese, Tomsk diocese, The Altai mission, Orthodoxy in Siberia, the Christianization; missionaries, indigenous people of Khakassia, Anchul.

В настоящее время значимость деятельности Алтайской духовной миссии (1830–1919) в процессе христианизации и изменения хозяйственно-культурного типа коренного населения Южной Сибири является неоспоримым фактом¹. В конце XIX — начале XXI в. деятельность Алтайской духовной миссии стала объектом всестороннего изучения. Опубликованы и продолжают публиковаться архивные материалы, статьи, монографии по истории Алтайской духовной миссии, защищаются диссертации, выходят в свет исследования по персоналиям выдающихся алтайских миссионеров. При этом некоторые деятели Алтайской духовной миссии остаются за пределами внимания историков. Между тем изучение биографии и служения таких малоизвестных миссионеров является актуальным и важным. Создание их биографических портретов позволит не только дополнить общую картину алтайского миссионерства, но и понять, как усилиями этих рядовых тружеников шёл процесс просвещения коренного населения Сибири.

Среди таких незаслуженно забытых алтайских миссионеров выделяется фигура священника Симеона Ивановича Тормазакова (ок. 1872 г.² — после 1924 г.). Жизнь и деятельность этой личности представляет научный интерес не только потому, что отец Симеон внёс большой вклад в распространение христианства в рамках работы Алтайской духовной миссии, но и потому, что исследование биографии этого миссионера позволит пролить свет на то, как складывались судьбы алтайских просветителей после 1917 г. Деятельность других миссионеров из коренного населения — священника И. М. Штыгашева, священников (отец и сын) Н. Ф. и В. Н. Катановых — относительно хорошо изучена,

- 1 См., например: Отчёт Алтайской и Киргизской миссий за 1887 г. // ТоЕВ. 1888. № 7 (1 апреля). С. 15–17 (2-я пагин.); *Асочакова В. Н.* Этнокультурные последствия христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края (XVII–XIX вв.) // Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск, 2018. С. 63.
- 2 Точная дата рождения отца Симеона неизвестна. Прот. Георгий Крейдун указывает 1871 г. (*Крейдун Ю. А., прот.* (сост.) Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. С. 184). Однако, на наш взгляд, ближе к истине будет 1872 г. Согласно «Справочной книге по Томской епархии за 1909/10 год», священнику Симеону Тормазакову 38 полных лет (см.: Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковно-служителей по 1 марта 1911 г. Томск, 1911. С. 82). В той же книге указано, что родившийся 1 октября 1835 г. митрополит Макарий (Невский) — 75-ти лет отроду (Там же, с. 1). Это позволяет заключить, что представленные в данном источнике сведения ориентируются на конец 1910 (до 1 октября) — начало 1911 г. (до 1 марта). Путём элементарных вычислений получаем год рождения о. Симеона — 1872/1873.

когда как миссионерские труды отца Симеона Тормазакова остаются за пределами интереса исследователей. А ведь наличие священников коренной национальности являлось ярким показателем христианизации местного населения³. Разумеется, данная статья не претендует на совершенную полноту охвата всех источников (многие из них ещё предстоит изучить), тем не менее она будет первым специальным исследованием по жизни и деятельности отца Симеона.

Семён Иванович Тормазаков происходил из инородцев. Фамилия Тормазаковых (другое написание — Тормозаковы) принадлежит к хакасскому роду (*хак.* сөөк букв. «кость») табан, причисленному государственными властями Российской империи к Бельтирскому административному «роду»⁴. По окончании курса Бийского катихизаторского училища поступил на службу учителем Матурской миссионерской школы, где трудился с 1897 по 1905 г.⁵. Отношения с местным населением, по-видимому, сложились непростые: построенная священником И. М. Штыгашевым школа пришла в упадок, жители аалов практиковали шаманизм при полном попустительстве местной администрации. Отец Иоанн Штыгашев так характеризовал эту ситуацию в своих записках:

«Напр. Мрасский учитель Тормозаков мне жаловался, что будто в самом стане Мрасс[кого] Отделения инородцы уже начали камлать. Когда же Тормозаков стал порицать это, то против него выступил некто инор.[одческий] писарь В., говоря: “Разве вы не читали, что ныне Высочайше объявлена свобода вероисповедания!?” Вообще, эти писари умеют сеять плевелы среди пасомых миссий»⁶.

27 января 1905 г. Симеон Иванович вступает в духовное звание и определяется псаломщиком в Мрасское отделение Алтайской духовной миссии. 14 сентября 1907 г. над С. И. Тормазаковым совершается диаконская, а 28 октября — иерейская хиротонии. Местом служения отца Симеона священноначалие определяет Троицкую Усть-Анзасскую церковь того же миссионерского стана. От этого периода до нашего

3 Краткие биографические сведения о священнике Симеоне содержатся в книге протоиерея Георгия Крейдуну (см.: *Крейдун Ю. А., прот.* (сост.) Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов. Барнаул, 2016. С. 184) и А. Н. Гладышевского (см.: *Гладышевский А. Н.* К истории христианства в Хакасии. Абакан, 2004. С. 62).

4 *Бутанаев В. Я.* Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан, 1994. С. 68.

5 Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 г. С. 82.

6 *Штыгашев И. М., свящ.* Записки матурского миссионера за 1905 г. // *Крейдун Ю. А., прот.* (сост.) Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии. С. 129.

времени остались миссионерские записки отца Симеона, хранящиеся в Государственном архиве Алтайского края⁷. В 1913 г. миссионер Мрасского отделения Алтайской духовной миссии священник Симеон Тормазаков переходит в ведомство Енисейской епархии. 10 июня того же года епископ Енисейский и Красноярский Никон (Бессонов) определяет ему местом служения Больше-Сейский инородческий приход Минусинского уезда⁸, где отец Симеон прослужит до 1919 г. Большая Сая принадлежала к особому типу крупных населённых пунктов, которые к концу XIX в. основали представители обрусевшей группы коренного населения. Специфика этой группы заключалась в том, что, будучи потомками от смешанных браков её представители продолжали числиться инородцами. То же касалось и хозяйственного-культурного типа: в планировке улиц, архитектуре, образе жизни и хозяйстве в конце XIX в. наблюдались характерные черты как хакасского улуса, так и русской деревни⁹. В свете этого факта наименование больше-сейского прихода «инородческим» видится не вполне корректным. Строительство храма в Большой Сее началось в 1910 г. при финансовой поддержке графини С. С. Игнатъевой¹⁰, вдовы бывшего иркутского генерал-губернатора, убитого в 1906 г. Собственно, в этот период происходит казус, ставший предметом данной статьи. Случай этот описан в отчёте Алтайской духовной миссии за 1914 г. Чтобы понять в контекст данного казуса, приведём обширный отрывок из отчёта полностью.

«Иноходец Тимофей Шульбаев, человек весьма религиозный, побывавший во многих обителях России и Востока, лично знакомый с Владыкою Митрополитом Московским, своим трудом основавший матурскую общину, на собственные средства и средства добродетельных деятелей пожелал на своей родине, в улусе Анчуле, выстроить молитвенный дом. Шульбаев обращается к о. Иоанну Штыгашеву, через которого устроилась Матурская община и которого жители Анчула считали своим священником, потому что постоянно видели его у себя. О. Иоанн, исходя из той мысли, что земли улуса Анчула принадлежат Кабинету Его Величества и считаются Кузнецкого уезда, обратился за разрешением постройки молитвенного дома

7 Записки миссионера отделения Алтайской духовной миссии священника Семена Тормыкова // ГАКК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 134.

8 Официальная хроника // ЕЕВ. 1913. № 13. С. 1.

9 Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан, 1987. С. 17.

10 Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии. С. 62.

к нам. Разрешение дано, и Шулбаев приступает к исполнению своей мысли. Нам же при разрешении постройки, конечно, и на мысль не приходило, что мы вторгаемся в чужую епархию, думая, что Анчул есть отделение Матурского отделения. О. Семен Тормозаков повел дело об этой постройке совершенно иначе. Доносит своему епархиальному Архиерею, что о. Иоанн Штыгашев вторгается в чужую епархию, уполномачивая Штыгашева строить молитвенный дом без ведома местной епархиальной власти. Возникает неприятная для нас переписка, результатом которой явилось то, что Шулбаев отказался от задуманной постройки, а о. Штыгашеву предписано не вмешиваться в дело Сейского прихода. Таким образом, из-за излишней щепетильности и горячности Сейского священника жители аила Анчул лишились молитвенного дома, построить который им придётся самим или искать иного благодетителя»¹¹.

Матурская церковь, в которой служил отец И. Штыгашев, являлась самым восточным станом Алтайской миссии, но находилась уже на границе с Минусинским уездом Енисейской губернии, а значит и в Енисейской епархии. Положение было таковым, что Кийский улус и Анчул, принадлежа Минусинскому уезду, географически находились ближе к Матуре, нежели к Большой Сее. До основания храма в последней ближайшим приходом Енисейской епархии вообще был Усть-Есинский приход, священником которого был выдающийся миссионер, брат первого хакасского учёного отец Николай Катанов. Осознавая пастырскую ответственность за эти улусы, священник Иоанн Штыгашев писал:

«Матурскому священнику быть совершенно равнодушным в отношении Минус. инородцев никак нельзя, ибо они тесно связаны и перемешаны с нашими инородцами — Кузнецкими»¹².

Можно предположить, что такая практика «двойного окормления» населения указанных аалов устраивала и священника Николая Катанова. Нередко отец Иоанн направлял жителей этих населённых пунктов к усть-есинскому священнику. Ситуация кардинальным образом изменилась, когда был открыт Больше-Сейский приход, куда был назначен священник Симеон Тормозаков.

- 11 Отчёт Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ГАТОО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 15. Весь текст отчёта публиковался в Томских епархиальных ведомостях. Прочитированный отрывок находится в 11 номере за 1915 год (см.: ТоЕВ. 1915. № 11 (1 июня). С. 456–458).
- 12 *Штыгашев И. М., свящ.* Записки Матурского миссионера за 1905 г. // Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии / сост. прот. Ю. А. Крейдун. С. 123.

Из отчёта следует, что представители Алтайской духовной миссии признали неправомочность действий матурского священника и формальную правоту большесейского настоятеля. В то же время нареkanie со стороны руководства миссии вызвало у отца Симеона негативное отношение к бывшему наставнику. В отчёте сделан акцент на том, что постройка молитвенного дома в Анчуле принесла бы пользу населению этого аала¹³. Сомнительно, что священники руководствовались экономическими мотивами: в 1912 г. финансирование миссии возросло благодаря пожертвованию¹⁴, а в 1914 г., когда имел место казус с анчульской часовней, начавшаяся Великая война (если, конечно, указанный случай произошёл после 1 августа) ещё не могла повлиять на материальное благосостояние сибирских священников и их паствы.

Тем не менее можно предположить, что недоразумение (а отчёт Алтайской духовной миссии квалифицирует этот случай именно так) с часовней в улусе Анчуль имело причинами также факторы ментального порядка. В какой-то мере ситуация вокруг строительства анчульской часовни отразила те процессы, которые происходили в сознании российского духовенства в начале XX столетия. Сами алтайские миссионеры, формально признавая свою вину за самовольное возведение культового здания на территории соседней епархии, апеллировали к принадлежности Анчуля к Кузнецкому уезду и (что немаловажно) к землям Кабинета Его Величества¹⁵. Подобное позиционирование императора как главы Российской Церкви и восприятие всей территории Российской империи как подведомственной Синоду было в значительной мере характерно для представителей старшего поколения сибирского православного духовенства, к которому принадлежал и о. Иоанн Штыгашев. С другой стороны, в среде енисейского духовенства находила отклик идея церковных реформ, свидетельством чему может служить экстренный епархиальный съезд Енисейской епархии в 1906 г.¹⁶. В этой связи позиция отца Симеона Тормазакова предстаёт в несколько ином свете, хотя квалифицировать последнего как сторонника церковного обновления нет никаких оснований.

Трудно дать оценку роли личностного фактора в исследуемом случае с часовней. Священник И. М. Штыгашев ссылается на разрешение

13 Отчёт Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ГАТОО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 14–16.

14 *Каллистрат (Романенко), еп.* Материальное обеспечение Алтайской духовной миссии // ХЧ. 2018. № 7. С. 205.

15 Отчёт Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ГАТОО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 15.

16 *Малашин Г. В.* Красноярская и Ачинская епархия // ПЭ. 2015. Т. 38. С. 455.

епископа Енисейского и Красноярского Евфимия (Счастлива)¹⁷, который почил 9 января 1913 г. После его смерти на кафедру был поставлен епископ Никон (Бессонов), который, как известно, впоследствии снял сан и отрёкся от веры¹⁸. Обращает на себя внимание и то, что именно при этом архиерее священник Симеон перешёл из Томской в Енисейскую епархию. Возможно, эскалации конфликта вокруг строительства анчальской часовни способствовала и позиция епископа Никона, который ещё до назначения на Красноярскую кафедру активно занимался политической деятельностью¹⁹. Трудно оценить и мотивацию отца Иоанна Штыгашева. В его эпистолярном наследии сохранилось ходатайство (от 1886 г.) о минусинском священнике Емелиане Маевском, адресованное Н. И. Ильминскому, хотя со временем личное отношение могло измениться. Стоит отметить, что в своих записках отец Иоанн не выразил никаких претензий своему бывшему ученику С. И. Тормазакову по поводу состояния матурской школы²⁰. Так или иначе дальнейшие действия по строительству часовни в Анчуле отцу Иоанну были запрещены руководством миссии.

Вопрос о том, как сложились личные отношения между священниками И. М. Штыгашевым и С. И. Тормазаковым, остаётся открытым. Известно, что отец Симеон участвовал в отпевании отца Иоанна, скончавшегося в 1915 г.²¹ Почти нет информации и о дальнейшей судьбе священника Симеона Тормазакова. В 1919 г. он был перемещён с Больше-Сейского прихода в Таштыпский²². Здесь отец Симеон оставался и после революции и гражданской войны. Свидетельства некоторых источников позволяют заключить, что ещё в 1924 г. он продолжал священническое служение. В докладе уполномоченного Хакасского уездного исполнительного комитета и уездного финансового отдела от 23 декабря 1924 г. читаем:

- 17 Отчёт Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ГАТОО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.
- 18 Об апостасии и дальнейшей антицерковной деятельности Бессонова см.: *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 266–267.
- 19 См.: Никон (Бессонов) // ПЭ. 2018. Т. 51. С. 8.
- 20 *Штыгашев И. М., свящ.* Записки Матурского миссионера за 1905 г. // Крейдун Ю. А., прот. (сост.) Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии... С. 119–120.
- 21 См.: НА РХ. Ф. И-29. Оп. 1. Д. 181. Л. 33 об. — 34, № 7; *Нилогов А.* Метрическая запись о смерти И. М. Штыгашева. URL: <https://abakan-news.ru/2021/07/07/метрическая-запись-о-смерти-и-м-штыгаш/>
- 22 Официальная хроника // ЕЕВ. 1919. № 5. С. 24.

«В Таштыпе проживают попы: Новочадовский — новоцерковник, Тормозаков, совершающий частые поездки в улусы с требами, и наездом бывает Розалиев»²³.

Из этого краткого замечания можно сделать вывод, что священник Симеон Тормозаков скорее всего остался верен канонической Церкви и продолжал исполнять пастырские обязанности в пределах вверенной ему территории.

Выводы

Таким образом, взаимоотношения между деятелями Алтайской духовной миссии и клириками Енисейской епархии в начале прошлого столетия иногда сопровождались эпизодами противоречий и недоразумений. Факторами этих противоречий выступали нечёткое восприятие границы между Кузнецким и Минусинским уездами, этническая и историческая общность коренного населения указанных административно-территориальных единиц и, возможно, личностный фактор. Тем не менее источники не позволяют заключить, что эти противоречия перерастали в конфликты. Священноначалие стремилось к мирному разрешению недоразумений, даже в ущерб инициативам миссионеров. Вероятно, анчуйский инцидент положил конец практике «двойного окормления» коренного населения Минусинского уезда силами Алтайской духовной миссии и Енисейской епархии.

Наконец, заметим, что подробности миссионерского и пастырского служения, обстоятельств смерти (не исключено, что мученической) священника Симеона Ивановича Тормозакова требуют дальнейшего изучения.

Источники

Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий, Издательский отдел Всецерковного Православного Молодежного Движения, 1994.

- 23 Из доклада уполномоченного Хакасского уездного исполнительного комитета и уездного финансового отдела Михайлова (с. Усть-Абакан 23 декабря 1924 г.) // Религия и власть на территории Красноярского края. 1920–1991: Сборник архивных документов и материалов / сост. Л. И. Григорьева, А. П. Доброновская (Дворецкая), Е. А. Иванова, И. В. Коняхина, Л. И. Лимаева, О. Р. Сордия. Кн. 1: 1920–1941. Красноярск, 2002. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2002Dvorecka/04.htm>

- Официальная хроника // ЕЕВ. 1913. № 13. С. 1–2.
- Официальная хроника // ЕЕВ. 1919. № 5. С. 24–25.
- Записки миссионера отделения Алтайской духовной миссии священника Семена Тор-мозыкова // ГАКК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 134.
- Из доклада уполномоченного Хакасского уездного исполнительного комитета и уездного финансового отдела Михайлова (с. Усть-Абакан 23 декабря 1924 г.) // Религия и власть на территории Красноярского края. 1920–1991: Сборник архивных документов и материалов / сост. Л. И. Григорьева, А. П. Доброновская (Дворецкая), Е. А. Иванова, И. В. Коняхина, Л. И. Лимаева, О. Р. Сордия. Кн. 1: 1920–1941. Красноярск, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memorial.krsk.ru/Articles/2002Dvorecka/04.htm> (дата обращения: 4.11.2021).
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. М.: Наука; Восточная литература, 1993.
- Миссионерские записки и дневники сотрудников Алтайской духовной миссии: Сборник архивных документов / сост. прот. Ю. А. Крейдун. Барнаул: Барнаульская духовная семинария; Алтайский дом печати, 2016.
- Отчёт Алтайской духовной миссии за 1914 г. // ГАТОО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 25.
- Справочная книга по Томской епархии за 1909/10 год с дополнениями и изменениями в личном составе священно-церковнослужителей по 1 марта 1911 г. Томск: Тип. Приюта и Дома трудолюбия, 1911.
- Томские епархиальные ведомости. 1888. № 7 (1 апреля). 1915. № 11 (1 июня).

Литература

- Асочакова В. Н. Этнокультурные последствия христианизации коренного населения Хакасско-Минусинского края (XVII — XIX вв.) // Сибирь многонациональная. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 24–25 октября 2018 г. Красноярск: Резонанс, 2018. С. 62–65.
- Бутанаев В. Я. Происхождение хакасских родов и фамилий. Абакан: Лаборатория этнографии НИС АГПИ, 1994.
- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX — начало XX в.). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1987.
- Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии. Абакан: ООО «Фирма “Март”», 2004.
- Каллистрат (Романенко), еп. Материальное обеспечение Алтайской духовной миссии // ХЧ. 2018. № 7. С. 200–207.
- Малашин Г. В. Красноярская и Ачинская епархия // ПЭ. 2015. Т. 38. С. 448–464.
- Никон (Бессонов) // ПЭ. 2018. Т. 60. С. 8–9.
- Нилогов А. Метрическая запись о смерти И. М. Штыгашева. [Электронный ресурс]. URL: <https://abakan-news.ru/2021/07/07/метрическая-запись-о-смерти-и-м-штыгаш/> (дата обращения: 5.11.2021).